

УДК 323"18"

doi 10.17072/2219-3111-2021-4-117-128

Ссылка для цитирования: *Аганов М. Г.* «Северный вопрос» в российском политическом языке 60–70-х годов XIX века // Вестник Пермского университета. История. 2021. № 4(55). С. 117–128.

«СЕВЕРНЫЙ ВОПРОС» В РОССИЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ 60–70-Х ГОДОВ XIX ВЕКА¹

М. Г. Аганов

Тюменский научный центр Сибирского отделения РАН, 625026, Россия, Тюмень, ул. Малыгина, 86
magapov74@gmail.com

ORCID: 0000-0002-3433-1516

ResearcherID: L-4639-2016

Scopus Author: 56568119900

Исследование посвящено происхождению языка российской арктической политики, понимаемого как набор определенных идиом, риторик, грамматик и категорий. Формирование языка российской арктической политики происходило в условиях радикальной трансформации российской государственной и общественно-политической жизни 1860–70-х гг. Как всякий политический язык, он развивался в дискуссиях о политическом: истории, политической экономии, международных отношениях и праве. И как всякий политический язык, являлся инструментом рационализации и конструирования реальности. Анализируются риторика и прагматика «защитников Севера России»: промышленников В. Н. Латкина, М. К. Сидорова, общественных деятелей В. Л. Долинского, Д. Л. Мордовцева и др. Пытаясь заручиться поддержкой государства для своих деловых проектов и выступая с позиций «национальной внешней политики», они развивали алармистско-конспирологический способ говорения (дискурс) о Северном крае, сближаясь тем самым с активно формирующейся консервативно-националистической оппозицией либеральным реформам. «Северный вопрос» таким образом конструировался как одно из слабых мест либерального правительства. Идеоматика и речевые конструкции «защитников Севера России» строились на тезисе об угрозе отчуждения Северного края, резонирующем в 1860-е гг. с порожденной польским восстанием 1863–64 гг. моральной паникой относительно «подрыва» целостности российского государства, а в следующее десятилетие – с «военной тревогой», вызванной восточным кризисом 1875–1878 гг. В заключении делается вывод о том, что ключевую роль в формировании языка российской арктической политики сыграла общественность, которой, однако, в рассматриваемый период не удалось добиться включения «северного вопроса» в актуальную общероссийскую повестку.

Ключевые слова: Север России, «северный вопрос», политический язык, В. Н. Латкин, М. К. Сидоров, Д. Л. Мордовцев.

Введение

В январе 1869 г. мещане Сумского посада Кемскаго уезда Архангельской губернии Михаил и Федор Воронцовы подали в Министерство иностранных дел Российской империи от лица жителей Поморского края² прошение «в отношении запрещения норвежским подданным производить промыслы» на Мурманском берегу, Новой Земле, островах Колгуев и Вайгач. Жалуясь на разорение со стороны норвежских добытчиков, «отнимающих прямые наши выгоды», и будучи уверенными, что «по международному праву... промыслами в этих областях должны бы заниматься только русские подданные», они просили министра иностранных дел «сообщить через кого следует норвежскому правительству, чтобы оно воспретило своеволие своим подданным» (АВПРИ. Ф. 155. Оп. 445. Д. 4. Л. 1–1 об.). Это была далеко не первая жалоба поморов на норвежскую промысловую экспансию, но именно с нее начал складываться фонд документов образованного в Министерстве иностранных дел Российской империи стола (позже – департамента) «Север». Таким образом было положено начало формированию институциональных основ российской арктической политики.

Наше исследование посвящено происхождению языка российской арктической политики, понимаемого в русле Кембриджской школы интеллектуальной истории как набор определенных идиом, риторик, грамматик и категорий [Покок, 2018, с. 150, 179]. Преимуществом Кембриджской школы перед другими направлениями истории идей является ее нацеленность на выявление отношений между конкретным высказыванием и более обширным социальным контекстом [Скиннер, 2018, с. 110]. Поэтому важно подчеркнуть, что формирование языка российской арктической политики происходило в условиях радикальной трансформации российской государственной и общественно-политической жизни 1860–70-х гг. Как всякий политический язык, он развивался в дискуссиях о политическом: истории, политической экономии, международных отношениях и праве [Роскок, 1987]. И как всякий политический язык, являлся инструментом рационализации и конструирования реальности.

Язык российской арктической политики, как будет показано ниже, изначально имел выраженную геополитическую интенцию. Сформированный им образ Арктики как территории межгосударственного соперничества был востребован сторонниками автаркической модели развития страны. Другие языки описания порождают иные образы. Так, идеоматика гуманитарной географии генерирует образ Арктического Средиземноморья [Пилясов, 2010], лежащий в основе интеграционистской модели международного арктического сотрудничества. Геополитический подход, наследующий традиции национально-автаркического мышления, выступает сегодня в качестве ведущего в переживающей настоящий «арктический бум» отечественной историографии [Ямал..., 2007; Беляев, 2010; Лукин, 2010; Тулунов, 2013; Россия в Арктике..., 2017 и др.]. Тем более важной представляется рефлексия ее языковых оснований.

Исследование опирается на широкий корпус публицистических сочинений и материалы общественных дискуссий 60–70-х гг. XIX в., посвященных проблемам Севера России³. Важное значение для нас имеют личные архивы наиболее ярких «защитников Севера России» и их сторонников, отложившиеся в Российском государственном историческом архиве (С.-Петербург) в фонде 1050 («М. К. Сидоров»), в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (С.-Петербург) в фонде 531 («А. С. Норов») и в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки (Москва) в фонде 120 («М. Н. Катков»). Язык власти представлен в документах, отложившихся в Архиве внешней политики Российской империи (Москва) в фонде 155 (департамент «Север») и в Государственном архиве Архангельской области в фонде 1 (Канцелярия Архангельского губернатора).

«Ходатаи за Север»: пути и способы мобилизация общественного мнения

Север России долгое время воспринимался имперским центром как бесполезная окраинная территория, реликт Московского царства, лежащая вне стратегических направлений российской политики и потому обреченная, по словам А. А. Кизеветтера, «на положение... заштатного, захолустного существования». В 60-е гг. XIX в. на фоне стремительно модернизирующейся европейской России «заброшенность этого [Северного] края», исключенного из национальных промышленных и инфраструктурных проектов, «стала сказываться... еще резче» [Кизеветтер, 1919, с. 64]. Жалобы поморов на норвежскую промысловую экспансию заставили центр обратить внимание на северные пределы империи. Видный деятель Императорского русского географического общества, автор программы российских полярных исследований П. А. Кропоткин отмечал в этой связи: «Смелые норвежские китобои... совершенно неожиданно доказали, что плаванье в Карском море возможно. К великому нашему изумлению, мы узнали, что в “ледник, постоянно набитый льдом”, как мы с уверенностью называли Карское море, вошли небольшие норвежские шкуны и избородили его по всем направлениям» (Кропоткин, 1988, с. 230, 231).

Однако Петербург был готов «простирает притязания на исключительное право рыбной ловли» для российских подданных только в Белом море, «так как оно до известной степени может считаться заливом и омывает одни только русские берега» и в пределах «трехмильного расстояния от берегов» во всех остальных случаях «как предела того водного пространства, которое по международному праву признается территориальным морем» (ГААО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 981. Л. 4–5). Вплоть до последней четверти XIX в., когда российское правительство приняло первые шаги по колонизации Новой Земли, арктические воды считались международными, а архипелаги – «ничейными» [Беляев, 2010, с. 47–48]. Кроме того, протекционистские

требования поморских промысловиков шли вразрез с господствовавшими в рассматриваемый период принципами фритредерства, согласно которым независимость политики от экономики была важнейшим правилом международных дел [Полянски, 2018, с. 234].

В свою очередь поморские купцы, теснимые иностранными (помимо норвежских, шведскими, немецкими и английскими) предпринимателями, расценивали бездействие властей как сознательную «сдачу» Северного края. Положение последнего как «двойной периферии» (российской и скандинаво-североевропейской) [Макарычев, 2006] способствовало широкому распространению в среде поморов отмеченной Н. Я. Данилевским двойной же «недоверчивости и подозрительности»: как по отношению к предприимчивым соседям, так и по отношению к российским чиновникам, подкупленным, по убеждению поморов, иностранцами (Данилевский, 1871, с. 291–292). Ситуация фрустрации порождала характерный для поморов алармистско-конспирологический способ говорения (дискурс) о Северном крае.

В 1860-е гг. в защиту «нашего Севера» выступили вышедшие из поморского купечества крупные российские золотопромышленники В. Н. Латкин (1809–1867) и М. К. Сидоров (1823–1887). Все свои силы и средства они направили на исследование и промышленное освоение Севера России, действуя на этом направлении как партнеры, по существу, как одна семья – Сидоров был женат на дочери Латкина – Ольге Васильевне. Будучи вместе с известным мореплавателем П. И. Крузенштерном соучредителями Печорской компании, Латкин и Сидоров безуспешно пытались включить Северный край в «круг торговой деятельности государства» (Латкин, 1853, с. 2), в частности наладить сбыт печорской лиственницы. Однако власти северорусских губерний, прекрасно осознавая ресурсные возможности управляемых ими территорий, брали под свою защиту «естественные богатства казны», с тем чтобы не допустить к их разработке «чужаков» (РГИА. Ф. 1050. Оп. 1. Д. 9. Л. 1 об., 2 об.). Препятствия со стороны местных властей, крайне сложная логистика и фактическая монополия иностранных перевозчиков привели Печорскую компанию к краху (Латкин, 1867). Вместе с тем Латкин и Сидоров добились впечатляющих успехов в сфере пиара.

Во второй половине 1860-х – начале 70-х гг. они развернули бурную деятельность по привлечению внимания общества, деловых кругов и органов власти к вопросам развития северных областей страны. В качестве площадок продвижения своих идей Латкин и Сидоров использовали переживавшие в то время период расцвета предпринимательские и научно-общественные ассоциации (во многом являвшиеся полемическими сообществами, в терминологии Джона Покока [Покок, 2018, с. 159]). К началу 1880-х гг. Сидоров прочел 102 доклада в Обществе для содействия русской промышленности и торговле, 65 докладов в Обществе для содействия русскому торговому мореходству, 15 докладов в Императорском русском географическом обществе, 8 докладов в Императорском вольном экономическом обществе и 3 доклада в Императорском техническом обществе (подсчет автора по: Сидоров, 1882). Важную роль в продвижении Латкина и Сидорова как общественных деятелей сыграл один из «властителей дум» своего времени М. Н. Катков [Перевалова, 2017]. Благодаря его личной поддержке в 1866 г. в «Русском вестнике» была опубликована в дальнейшем неоднократно переиздававшаяся программная статья Сидорова «Север России» (Сидоров, 1866). Ее основу составили записки Сидорова о его путешествии вдоль побережья Белого моря летом 1865 г., литературно обработанные, по просьбе автора, писателем, журналистом и доверенным лицом Каткова Б. М. Маркевичем (1822–1884)⁴.

Латкин и Сидоров были не первыми и не единственными деятелями, выступавшими за мобилизацию предпринимательских и государственных ресурсов с целью «оживления» Севера России. Они считали себя последователями архангельских купцов, ратовавших «за наших поморов, за естественные богатства нашего Севера» и хлопотавших «о развитии морских и других промыслов и мореходства на Севере»: В. А. Попова (1776–1848 ?), И. С. Вавилова (? – 1856), И. А. Богуслава (Беломорского) и др. (Беседы..., 1867, с. 40–41). Выход Латкина и Сидорова на общественную сцену был в известной мере подготовлен яркими публикациями литераторов-путешественников Г. В. Колмогорова (Колмогоров, 1857), С. В. Максимова (1831–1901) (Максимов, 1859) и др., заложивших основы русской «нордофилии». Однако благодаря своему авторитету деловых людей, одаренных «совершенно американским духом предприимчивости» (НИОР РГБ. Ф. 120. Папка 25. Ед. хр. 3. Л. 105), и вкусу к *publicity* Латкин и в особенности Си-

доров смогли обеспечить себе среди современников и потомков репутацию главных отечественных «ходатаев за Север» (Беседы..., 1867, с. 40). Умело используя возможности складывающейся в стране публичной сферы, они вывели дискуссию о Севере России за региональные рамки и сформировали определенный спектр общественного мнения «о наших делах [на Севере]».

1860-е годы: рождение «северного вопроса» из духа алармизма и конспирологизма

В основе рассуждений Латкина и Сидорова о Севере России лежали их конкретные деловые интересы. Разрабатывая проект Печорской компании, золотопромышленники были уверены в своем успехе, но, столкнувшись с рядом препятствий, важнейшим из которых оказалась конкуренция с иностранными фирмами, они выдвинули тезис о необходимости государственной поддержки русского предпринимательства в Северном крае. Для Печорской компании это был вопрос выживания. В этой связи Латкин сформулировал условия успешного развития отечественной северолесной промышленности:

«Торговля лесами из России при сильном соперничестве Швеции, Норвегии и Пруссии в отпуске сего материала не сможет процветать: без собственного мореплавания, без значительного компанейского капитала и без особенных поощрений, которые обеспечивали бы выгоды общества» (ОР РНБ. Ф. 531. Оп. 1. Д. 854. Л. 22 об.–23).

Выполнение указанных условий требовало не только значительных средств, но и кардинальной перестройки всей экономической политики Российской империи, которая в рассматриваемый период твердо держалась фритредерских принципов [Цвайнерт, 2008, с. 214]. Отдельные меры государственного покровительства отечественной экономики диктовались главным образом фискальными соображениями, тогда как поморское купечество рассчитывало на такие виды государственной поддержки, как льготное кредитование, премии и прежде всего систему запретительных тарифов, которая компенсировала бы слабость их позиций в конкуренции с иностранными компаниями. Помимо прочих причин, правительство не могло пойти на такой шаг, поскольку он привел бы к снижению дохода от таможенных пошлин [Мошкин, 2007, с. 11].

Не добившись поддержки своего проекта со стороны имперской бюрократии, Латкин и Сидоров постепенно отказались от экономической риторики в пользу политической. Вероятно, отмеченному риторическому сдвигу способствовала порожденная польским восстанием 1863–64 гг. моральная паника относительно «подрыва» целостности российского государства [Котов, 2016, с. 10]. По мнению возглавляемой Катковым «русской партии», в первую очередь угрозе подвергались «области, лежащие по окраинам великого русского мира» (Передовая статья в № 79..., 1887, с. 100). Тем важнее для «патриотов» было настаивать на принципе государственного единства всех территорий в пределах империи и не позволять иностранным державам «щипать нас по окраинам» (Передовая статья в № 153..., 1887, с. 372). Судя по переписке Маркевича и Каткова, именно в этом пункте позиция «ходатаев за Север» полностью совпала с позицией Каткова, что и обеспечило им поддержку влиятельного публициста. «Недаром чувствует ваше русское сердце далеко расходящуюся интригу, стремящуюся расшатать и раздробить наше бедное отечество», – писал Маркевич своему патрону, представляя записки Сидорова (НИОР РГБ. Ф. 120. Папка 25. Ед. хр. 3. Л. 103). Если в первой половине 60-х гг. Латкин и Сидоров говорили в основном о не востребуемых богатствах «подполюсной страны» (выражение Сидорова (Сидоров, 1864, с. 12)) и фантастических перспективах северного предпринимательства (Там же), то во второй половине десятилетия их речевые конструкции целиком строились на тезисе о фактическом захвате иностранными компаниями Северного края («все промыслы перешли в руки норвежцев, а торговля – в руки англичан» (НИОР РГБ. Ф. 120. Папка 25. Ед. хр. 3. Л. 103)), превращении поморских купцов в приказчиков иностранных фирм (выражение Латкина (Латкин, 1866, с. 71)) и об угрозе отчуждения Севера России вследствие международного «заговора» (подробнее см. [Аганов, 2019]).

Проигрывая иностранным компаниям в рамках модели международного арктического сотрудничества, Латкин и Сидоров требовали на основе принципа исторического правооснования [Тулупов, 2013, с. 17] закрепления за Россией акватории и островов Баренцева, Белого и Карского морей. Этот тезис нашел отклик и поддержку со стороны активно формирующейся «патриотической» оппозиции либеральным реформам. Ее, как и «защитников Севера России», возмущали «открытие» перед иностранцами российских границ, «уступки» иностранным государствам концессий, а в некоторых случаях, по мнению «патриотов», и территорий (Богуслав,

1862, с. 294), наконец, поощряемое правительством активное включение иностранных предпринимателей в хозяйственную деятельность страны [Лор, 2017, с. 83–84]. «Северный вопрос» таким образом конструировался как одно из слабых мест либерального правительства, по которому его критики наносили удар за ударом.

В вину столичной бюрократии ставилось пренебрежение положением российских «прибрежьев Северного океана и Ледовитого моря» и их архипелагов (Сидоров, 1866), что, по мнению редактора печатного органа Общества для содействия русской промышленности и торговли В. Л. Долинского (1817–?), давало «повод к посягательству на них иностранцев» (Беседы..., 1867, с. 335, 337). Так, колонизация арктических островов иностранцами, прежде всего норвежскими промысловиками, однозначно воспринималась «защитниками Севера России» как «захват». Не меньшую тревогу вызывали иностранные арктические научно-исследовательские экспедиции, подозревавшиеся в намерении «переоткрыть» и тем самым закрепить за своими странами арктические земли (Беседы..., 1867, с. 335). С этой точки зрения задача промыслового освоения Северного края собственными силами представлялась как тяжелая борьба, по большей части уже арьергардная, против иностранного вторжения:

«Трудами и значительными затратами главных участников в компании Печерской, просвещенных русских деятелей Сидорова и Латкина фарватер Северного океана у устьев Печоры обследован... Трудами Сидорова и Латкина не упустили уже воспользоваться иностранцы, добившись всякими неправдами приобретения подробной карты р. Печоры; русская же промышленность и торговля, в наивном убеждении, что иностранцы хлопочут об интересах русских, коснеет в положении выжидательном, пока наконец и Печора, подобно Двине и Онеге, очутится всецело в их руках. Тогда, отодвинувшись за Урал, в Азию, придется опять выжидать, не явятся ли новые Сидоровы и Латкины, для открытия мореходства в Карском море, в заливах Обском и Енисейском. Явятся непременно, ... не пощадят ни имущества, ни жизни, чтобы из Титула Русского Царя не могли быть когда-либо вычеркнуты царства Югорское, Обдорское и Кандийское. Но было бы легче не *отдавать*, чем отданное *возвращать*» (Там же, с. 344).

Полярные экспедиции иностранных держав, их колонизационная активность и экономическая экспансия в акваториях Баренцева и Карского морей представлялись «защитникам Севера России» согласованным наступлением, имеющим целью фактическое отторжение от Российской империи богатых, но неосвоенных северных территорий. Более того, «Drang nach Norden» воспринимался как часть глобального антироссийского и в русле набравшего популярность славянофильского движения еще шире – антиславянского – проекта. Так, на четвертом собрании III отделения Императорского Вольного экономического общества по вопросу о Севере России, состоявшемся 4 апреля 1867 г., было зачитано стихотворение неназванного ярославского поэта, в котором угроза северным рубежам страны вписывалась в перечень других актуальных угроз, исходящих едва ли не от всех соседей Российской империи от Ледовитого моря до Босфора, чем, по мнению докладчика, доказывалось политическое значение «северного вопроса»:

От Карпатских высот и Дуная
К нам доходят и вопли, и скрежет:
Там дурачится Польша большая
Там Осман наших родичей режет.
А ведь были недавние годы,
Мы с любовью за них умирали,
И теперь к нам взывают народы:
Православная Русь! Не пора ли?
На словах удивительно жарки
Воспеваем мы русскую славу;
Не боимся, что графы Бисмарки
Собираются к нам под Митаву.
Вместо крепости есть лишь... ухабы
По дороге до города Риги...
Ах! Пора бы, ей Богу, пора бы

Разорвать ложной дружбы вериги!
Вообще мы смиренны и кротки
В этой кротости – русское горе...
Например, пароходы и лодки
Бороздят Ледовитое море
Но увы! Разъезжают в них шведы.
Кораблями норвежцы богаты.
Не пора ли? Гниют без победы
Наши, славные в прошлом, фрегаты
Это – сказки, тяжелые сказки
Как-то их досказать придется?
Может быть, до кровавой развязки
Лишь мгновенье одно остается
Не пора ли готовиться к спору?
О! Когда ж паруса затрепещут
И штыки, накользя к Босфору,
Под лучами свободы заплещут? (Там же, с. 322)

1870-е годы: северный вопрос как восточный

Следующий всплеск интереса к Северу России также был вызван успехами иностранных мореплавателей. В середине 1870-х гг. благодаря экспедициям английского капитана Д. Виггинса и шведского полярного исследователя А. Норденшельда к устью Енисея был открыт «морской торговый путь из Европы в Сибирь». На этот раз иностранные экспедиции проходили при поддержке золотопромышленников М. К. Сидорова и А. М. Сибирякова, что доказывало эффективность модели международного арктического сотрудничества. По замыслу сибирских купцов, новый морской путь должен был стать каналом экспорта сибирских товаров, но вследствие того, что, как и десятилетием ранее, российские моряки не решились ходить этим путем, он был занят английскими, немецкими и норвежскими коммерсантами, использовавшими его прежде всего для импорта в Сибирь своих товаров (так называемый обратный вывоз сибирских продуктов заметно уступал ввозу иностранных товаров) (АВПРИ. Ф. 155. Оп. 445. Д. 8. Л. 86).

Наиболее важным «северным» текстом 1870-х гг. стала статья историка и популярного беллетриста Д. Л. Мордовцева «Северный вопрос после восточного», опубликованная в «Отечественных записках» в 1877 г. Статья имела решающее значение для осмысления «северного вопроса» как международно-политического. Базовой идиомой Мордовцева была «амальгамизация этого [северного] вопроса с вопросами о севере вообще, о русском торговом флоте, о владычестве России над северными морями, о притязаниях Европы как на эти моря, так и на Новую Землю и проч., и проч.» (Мордовцев, 1877, с. 146). Комплексный подход к проблеме обеспечил успех статьи Мордовцева. Достаточно сказать, что в дальнейшем она была включена наряду с сочинениями Латкина и Сидорова в канон «северных» текстов, широко цитировалась и неоднократно переиздавалась вплоть до начала Первой мировой войны (Мордовцев, 1886, с. 47–147; Семенович, 1894, с. 41–51; В снегах, 1913).

Необходимость скорейшего включения «северного вопроса» в актуальную общероссийскую повестку и его обсуждения («в этом вопросе нужно хорошенько разобраться» (Мордовцев, 1877, с. 161)) Мордовцев выводил из нарастания пока еще незаметных большинству «опасных признаков» конфронтации Европы и России на Севере, которые указывали на грядущий уже в скором времени крупный международный конфликт: «...роковое человеческое неведение неизбежно ведет Европу к тому, что, быть может, в недалеком будущем и, нам кажется, в очень недалеком это самое неведение задаст новый вопрос – «северный»... Дело идет к тому, что рано ли, поздно ли Европе придется вынести новую войну – войну северную – из-за обладания северными морями, которые только на днях открыты» (Там же, с. 400).

«Северный вопрос» понимался Мордовцевым как новый восточный – как вопрос, пришедший «на смену восточного [вопроса]» (Там же, с. 400). Аналогия выстраивалась по следующим основаниям. Во-первых, «притяжение Севера» («нордофилия») как новое явление в европейской (в том числе и в российской) культуре последней четверти XIX в. воспринималось

как типологически однородное «притяжению Востока» («ориентофилии»), возникшему раньше и ясно понимаемому теперь, в контексте всех перипетий «восточного вопроса» второй половины XIX в., как символическое присвоение Востока, предшествующее его прямому завоеванию. Сейчас, однако, речь шла уже не о Востоке, но о Севере России. В известной мере предвосхищая идеи Эдварда Саида, Мордовцев отмечал в этой связи: «Целый ряд экспедиций из Европы направился туда же, на север, не с чисто купеческими целями, а с такими, кои должны принести для Европы более ценные приобретения. Эти Гарвеи, Брэмы, Цейли, Финши и др. едут изучать страну, *нашу* страну, которую мы сами не знаем. Ведь это – повторение того, что было и с “восточным вопросом”: разные Каницы, Скэйлеры, Мэккензи, Ирби и др. вдоль и поперек исходили и Турцию, и Болгарию, и Боснию, исходили раньше нас и раньше нас познакомили Европу с подкладкой “восточного вопроса” и с прочностью той дратвы, которой он стачен. Мы остались назади, и, когда пришлось взяться за дело, оказалось, что мы не знаем, с чего начать и что надо шить, а что пороть. Нам кажется, что и с “северным вопросом” происходит что-то неладное» (Там же, с. 163–164).

Во-вторых, «северный вопрос», как и «восточный», во многом был вопросом о контроле над трансконтинентальными путями сообщений (подчеркивая этот аспект «северного вопроса», Мордовцев называет его вопросом о «студеном море» или морским «северным вопросом» (Там же, с. 401, 418)). После того как Норденшельд доказал возможность прямого морского сообщения Европы с Сибирью, северо-восточный морской путь обрел «значение северного Суэцкого канала» (Там же, с. 405–406). В этой связи Мордовцев ставил вопрос о том, кто будет владеть последним и контролировать «циркулирование экономических соков Востока и Запада... через Ледовитый океан» (Там же, с. 146). Говоря о важности северных морей для России, Мордовцев приводил высказывание из доклада Сидорова в Обществе для содействия русскому торговому мореходству, прочитанного 12 апреля 1877 г.: «У нас только одно море, из которого выход не могут загородить нам неприятели, – одно громадное море с многочисленными и даже незамерзающими гаванями, на которое меньше всех других наших морей мы обращаем внимание. Я говорю о Северном Океане, омывающем наш материк более, нежели на десятки тысяч верст; рассуждать о других наших морях, на которых мы утрачиваем или уже утратили влияние на мореходство, я считаю бесполезным» (Там же, с. 153–154).

Для подтверждения стратегического значения Северного Ледовитого океана Мордовцев ссылаясь на депешу «посланника США при Стокгольмском дворе г. Кэмпбела» (министра-резидента (посланника) США в Швеции в 1864–1867 гг. Джеймса Хепберна Кэмпбелла), которую «наши нордофилы... откопали... в сборнике дипломатической корреспонденции, изданном правительством Северо-Американских Штатов»:

«Россия крайне нуждается в морском порте, свободном круглый год от льда... Удобный для этого морской пункт находится у самой границы Европейской России... Варангейский или Варяжский залив на норвежском берегу... содержит несколько вместительных гаваней... Кэмпбел убежден, что Россия считает приобретение этих вод делом первой для себя важности, но... Англия и Франция, особенно первая, смотрят на так называемые захваты России в направлении к северному морю с чрезвычайною ревностью. Кэмпбел полагает, что, обладая этими надежными гаванями, русские вооруженные силы могли бы во всякую пору нанести удары французским и английским аортам... Европейские соперники России боятся, – говорит г. Кэмпбел, – что через это она, могучая на суше, может стать столько же могучею на море» (Там же, с. 157–158).

Проблема заключалась в том, что в рассматриваемый период лидерство в деле освоения «студеного моря», несомненно, принадлежало зарубежным мореплавателям – исследователям, коммерсантам и промысловикам, которые не только прокладывали новые пути сообщения, но и создавали опорные пункты на островах Баренцева моря, что позволяло Мордовцеву провести еще одну параллель между «северным» и «восточным» вопросами: борьба поморов против иностранной экспансии на Севере России сопоставлялась с борьбой братьев-славян на востоке против турецкого господства. При этом, если поморы изображались взывающими о помощи против притеснений со стороны «немецких людей», то Сидоров представлялся их страстным защитником, исполненным энтузиазма, «какой понятен только в деятелях Плевны и Шипки» (Там же, с. 153). Признавая, что пока еще «“северному вопросу” далеко до “восточного” и

«славянского»» (Там же, с. 162), Мордовцев призывал российское общество уяснить себе заранее экономическое и политическое значение «северного вопроса» и формулировал «три главных фазиса» решения последнего: «Первый фазис – установление прямых сношений Европы с Сибирью и какую роль в сношениях этих придется играть Сибири и ее населению; второй фазис – отношение России и Европы к Новой Земле...; третий фазис – тот, с которого сэр Кэмпбел сбросил часть таинственной завесы. В таком только случае, быть может на Севере мы будем счастливее, чем на Востоке» (Там же, с. 164).

Заявляя, что «человеческая любознательность и человеческое сердце превратились в компас, которого одна стрелка неудержимо потянулась к северу, к полюсу, другая – к югу, к Балканам» (Там же, с. 417–418), Мордовцев явно преувеличивал значение «северного вопроса» для российского общественного мнения. Русская политическая словесность (выражение А. Э. Котова [Котов, 2016, с. 6]) 1870-х гг. оставалась невосприимчивой к северной тематике. «Восточный вопрос» занимал внимание российских общественных и государственных деятелей последней четверти XIX – начала XX вв. в гораздо большей степени, нежели «северный». Последний был принят к серьезному рассмотрению лишь накануне и в годы Первой мировой войны, когда модернизационная колонизация Северного края стала одной из стратегических задач имперского правительства [Голубев, 2011; Федоров, 2012; Голдин, 2018].

Заключение

Ключевую роль в формировании языка российской арктической политики сыграла общественность, получившая возможность критического высказывания благодаря либерализации политического режима и медиатизации публичной сферы. В отсутствие парламента «местом для дискуссии» служили собрания многочисленных предпринимательских и научно-общественных ассоциаций. Именно здесь в 1860–70-е гг., помимо многих прочих, обсуждались и проблемы Севера России. Наиболее интересные доклады публиковались в прессе и выходили отдельными изданиями, открывая тем самым печатную полемику.

Решающий вклад в перевод вопроса «о наших делах [на Севре]» из разряда сугубо регионального в круг общероссийских проблем внесли соучредители Печерской компании, видные золотопромышленники В. Н. Латкин и М. К. Сидоров. Действуя в соответствии с характерной для начала эпохи империализма тенденцией «отождествлять экономические интересы сравнительно небольшой группы с национальными интересами как таковыми» [Арендт, 1996, с. 201], Латкин и Сидоров требовали от правительства принятия целого комплекса протекционистских мер. Их идеоматика и речевые конструкции строились на тезисе об угрозе отчуждения Северного края, резонирующем с порожденной польским восстанием 1863–64 гг. моральной паникой относительно «подрыва» целостности российского государства.

Важное значение для осмысления «северного вопроса» как международно-политического имела программная статья историка и популярного беллетриста Д. Л. Мордовцева «Северный вопрос после восточного», в которой экономическая экспансия и научно-исследовательская деятельность иностранных держав в акваториях Баренцева и Карского морей представлялись согласованным наступлением, имеющим целью фактическое отторжение от Российской империи богатых, но неосвоенных северных территорий. Крайне алармистские, не лишённые конспирологизма тезисы «защитников Севера России» нашли отклик и получили поддержку со стороны активно формирующейся «патриотической» оппозиции либеральным реформам.

Вместе с тем «защитникам Севера России» не удалось включить «северный вопрос» в актуальную общероссийскую повестку наряду с такими общепризнанными проблемами, получившими в российском общественно-политическом дискурсе рассматриваемого периода статус «вопроса», как, например, «польский вопрос», «крестьянский вопрос», «восточный вопрос» и др. В целом тема Севера России воспринималась государственными деятелями и обществом как слишком провинциальная (Кропоткин, 1988, с. 230, 231). Лишь на рубеже XIX–XX вв. государством были предприняты первые серьезные комплексные меры с целью укрепления страны в ее северных пределах.

Примечания

¹ Работа выполнена по госзаданию № 121041600045-8, проект «Западная Сибирь в контексте Евразийских связей: человек, природа, социум».

² Исторически под Поморьем понималась территория береговой полосы от Кандалакшской губы до р. Онеги [Верецагин, 1849, с. 156].

³ Под «Севером России» в рассматриваемый период подразумевались территории Архангельской губернии. По отношению к ним также использовалось понятие «Северный край». Широко употреблялось словосочетание «северорусские губернии», к ним относились Архангельская, Вологодская и Олонецкая губернии. В расширенном значении «Север России» включал в себя и «Север Сибири» (Латкин, 1866, с. 90; ОР РНБ. Ф. 531. Оп. 1. Д. 854. Л. 43).

⁴ «Сведения свои все Сидоров изложил на бумаге, но так как он писать не мастер, то и просил меня из его материалов составить для вас статью» (НИОР РГБ. Ф. 120. Папка 25. Ед. хр. 3. Л. 103).

Список источников

- Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 155. Оп. 445. Д. 4, 8.
Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 1. Оп. 5. Д. 981.
Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 120. Папка 25. Ед. хр. 3.
Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 531. Оп. 1. Д. 854.
Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1050. Оп. 1. Д. 9.
Беседы о Севере России в 3 Отделении Императорского Вольного экономического общества по докладам: В.Л. Долинского (1, 4, 5 и 6-й); В.Н. Латкина (2-й) и М.К. Сидорова (3-й). СПб.: Тип. товарищества «Обществ. Польза», 1867. 459 с.
Богуслав (Беломорский) И.А. Исторический взгляд на Варангерское Поморье // Морской сборник. 1862. Т. LXII, № 10. С. 279–294.
В снегах: [Стихотворения: Ч. 1–2] / В.С. Терновский. [Северный вопрос после восточного / [Соч.] Д. С[липченк]о-М[ордовец]ь [псевд. Д.Л. Мордовцева]]. СПб.: Коммерч. тип., 1913. 92 с.
Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. СПб.: Общественная польза, 1871. 542 с.
Колмогоров Г.В. О морской торговле Сибири прямо с Западною Европою // Северная пчела. 1857. № 268, 269, 271–273.
Кропоткин П.А. Записки революционера. М.: Московский рабочий, 1988. 544 с.
Латкин В.Н. Дневник Василия Николаевича Латкина, во время путешествия на Печору, в 1840 и 1843 годах. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1853. 143 с.
Латкин В.Н. О наших промышленных делах. СПб.: Тип. Ф.С. Сущинского, 1866. 98 с.
Латкин В.Н. Ответ корреспондентам Санкт-Петербургских ведомостей о Печорском деле // С.-Петербургские ведомости. 1867. № 40.
Максимов С.В. Год на Севере: в 2 т. СПб.: Изд. книгопродавца Д.Е. Кожанчикова, 1859. Т. 1. Белое море и его побережье. 638 с. Т. 2. Поездка к северным рекам. 520 с.
Мордовцев Д.Л. Северный вопрос после восточного // Мордовцев Д.Л. Афоризмы. СПб., 1886. С. 47–147
Мордовцев Д.Л. Северный вопрос после восточного // Отечественные записки. 1877. № 10. С. 399–434; № 11. С. 139–164.
Передовая статья в № 153 «Московских ведомостей» (13 июля) // Собрание статей по польскому вопросу, помещавшихся в Московских ведомостях, Русском вестнике и Современной летописи. 1863 год: Вып. 1–3. М.: Университетская типография, 1887. С. 367–376.
Передовая статья в № 79 «Московских ведомостей» (13 апреля) // Собрание статей по польскому вопросу, помещавшихся в Московских ведомостях, Русском вестнике и Современной летописи. 1863 год: Вып. 1–3. М.: Университетская типография, 1887. С.98–102.
Семенович В.Н. Север России в военно-морском и коммерческом отношениях. М.: Б. и., 1894. 146 с.
Сидоров М.К. Проект купца Сидорова о заселении Севера Сибири путем промышленности и торговли и о развитии внешней торговли Сибири. Тобольск: Тип. губ. правления, 1864. 41 с.
Сидоров М.К. Север России // Русский вестник. 1866. Т. 63, № 6. С. 697–741; № 5. С. 88–124.
Сидоров М.К. Труды для ознакомления с Севером России. СПб.: Тип. и лит. Д.И. Шеметкина, 1882. 342 с.

Библиографический список

- Агапов М.Г. «Заговор» против Севера России: национализация предпринимательского дискурса в 60-е гг. XIX в. // *Ab Imperio*. 2019. № 4. С. 73–96.
- Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996. 682 с.
- Беляев Д.П. Архипелаги акватории Баренцева моря: история освоения и изучения (вторая половина XIX – первая треть XX вв.). Мурманск: МГПТУ, 2010. 163 с.
- Верецагин В.П. Очерки Архангельской губернии. СПб.: Тип. Якова Трея, 1849. 408 с.
- Голдин В.И. Север России на пути к Гражданской войне. Попытки реформ. Революции. Международная интервенция. 1900 – лето 1918. Архангельск: САФУ, 2018. 623 с.
- Голубев А.А. Мурманская железная дорога. История строительства (1894–1917 гг.). СПб.: ПГУПС, 2011. 204 с.
- Кизеветтер А.А. Русский Север. Роль Северного края Европейской России в истории русского государства. Вологда: Вологодское центральное общество сельского хозяйства, 1919. 66 с.
- Котов А.Э. «Царский путь» Михаила Каткова: идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860–1890-х годов. СПб.: Владимир Даль, 2016. 487 с.
- Лор Э. Российское гражданство: от империи к Советскому Союзу. М.: НЛЮ, 2017. 336 с.
- Лукин Ю.Ф. Великий передел Арктики. Архангельск: СФУ, 2010. 400 с.
- Макарычев А.С. Концепты центра и периферии в политической регионалистике: возможности постструктуралистской деконструкции // *Псковский регионологический журнал*. 2006. № 2. С. 22–27.
- Мошкин А.Н. Предприниматели и таможенная политика Правительства России в 1850–1870-е годы // *Омский научный вестник*. 2007. № 4 (58). С. 11–14.
- Перевалова Е.В. Проблемы Русского Севера на страницах изданий М.Н. Каткова // *Журналистский ежегодник*. 2017. № 6. С. 43–49.
- Пилясов А.Н. Арктическое Средиземноморье: предпосылки формирования нового макрорегиона // *ЭКО*. 2010. № 12 (438). С. 54–75.
- Покок Д.Г.А. The State of the Art (Введение к книге «Добродетель, торговля и история») // *Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории*. М.: НЛЮ, 2018. С. 142–188.
- Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя, 2018. 312 с.
- Россия в Арктике: государственная политика и проблемы освоения / отв. ред. А.И. Тимошенко, А.Х. Элерт. Новосибирск: Параллель, 2017. 493 с.
- Скиннер К. Значение и понимание в истории идей // *Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории*. М.: НЛЮ, 2018. С. 53–122.
- Тулупов Д.С. Арктическая политика России, Норвегии и Дании в конце XX–начале XXI вв. СПб.: СПбГУ, 2013. 163 с.
- Федоров П.В. Балканы и Русский Север в 1914–1917 годах // *Вестник северного (Арктического) федерального университета. Гуманитарные и социальные науки*. 2012. № 3. С. 41–46
- Цвайнерт Й. История экономической мысли в России. 1805–1905. М.: ГУ ВШЭ, 2008. 410 с.
- Ямал в геополитической и цивилизованной динамике. Салехард, Екатеринбург: Банк культурной информации, 2007. 208 с.
- Rosock J.G.A. The Ancient Constitution and the Feudal Law: English Historical Thought in the Seventeenth Century. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 402 p.

Дата поступления рукописи в редакцию 23.08.2021

THE "NORTHERN QUESTION" IN RUSSIAN POLITICAL LANGUAGE IN THE 1860S AND 1870S

M. G. Agapov

Tyumen Scientific Centre, Siberian branch, Russian Academy of Sciences, Malygin str., 86, 625026, Tyumen, Russia

magapov74@gmail.com

ORCID: 0000-0002-3433-1516

ResearcherID: L-4639-2016

Scopus Author: 56568119900

The study is dedicated to the emergence of the Russian Arctic politics language which is considered as a set of specific idioms, rhetoric, grammars, and categories. The formation of the Russian Arctic politics language took place during drastic transformations of Russian public and civil political life in the 1860s and 1870s. As any political language, it developed through discussions on political matters: political economy, international relations, and law. Moreover, as every political language, it became an instrument for rationalizing and constructing reality. The rhetoric and pragmatics of the “Russian North protectors”, such as manufacturers V.N. Latkin, M.K. Sidorov, public persons V.L. Dolinskiy, D.L. Mordovtsev, and others, are analyzed in the article. Attempting to gain governmental support for their business projects and promoting the position of “state international policy”, they developed an alarmist conspiracy method of speech (discourse) about the North of Russia, making themselves closer to the dynamically forming conservative nationalist opposition to the liberal reforms. From that perspective, the “Northern question” was constructed as one of weak points of the liberal government. Idiomatic and speech constructions of the “Russian North protectors” were grounded on the thesis about the threat of alienation of the North of Russia. In the 1860s, this resonated with the moral panic originated from the Polish riots of 1863–1864 concerning the “disruption” of the wholeness of the Russian state, and with the “military anxiety” provoked by the eastern crisis of 1875–1876 in the next decade. The author concludes that the key part in forming the Russian Arctic politics language was played by society, which, however, failed to include the “North question” in the current Russian agenda.

Key words: The North of Russia, Northern question, political language, V.N. Latkin, M.K. Sidorov, D.L. Mordovtsev.

Acknowledgments

¹ The reported study was funded by the state assignment № 121041600045-8, the project “Western Siberia in the context of Eurasian relations: man, nature, society”.

References

- Agapov, M.G. (2019), “A "plot" against the Russian North: nationalizing the discourse of entrepreneurs in the 1860s”, *Ab Imperio*, № 4, pp. 73–96.
- Arendt, Kh. (1996), *Istoki totalitarizma* [The origins of totalitarianism], TsentrKom, Moscow, Russia, 682 p.
- Belyaev, D.P. (2010), *Arhipelagi kvatorii Barentseva moria: istoriya osvoeniya i izucheniya (vtoraya polovina XIX – pervaya tret' XX vv.)* [The Barents Sea archipelagos: the history of the exploration and development in the second half of the 19th – the first third of the 20th centuries], MGPTU, Murmansk, Russia, 163 pp.
- Goldin, V.I. (2018), *Sever Rossii na puti k Grazhdanskoj voine. Popytki reform. Revolyutsii. Mezhdunarodnaya interventsija. 1900 – leto 1918* [The North of Russia towards the Civil war. Attempts at reform. Revolutions. International intervention. 1900 – summer 1918], SAFU, Arkhangel'sk, 2018, Russia, 623 p.
- Golubev, A.A. (2011), *Murmanskaya zheleznaya doroga. Istoriya stroitel'stva (1894–1917 gg.)* [The history of construction of the Murmansk Railway (1894–1917)], PGUPS, St. Petersburg, Russia, 204 p.
- Kizevetter, A.A. (1919), *Russkij Sever. Rol Severnogo kraja Evropejskoj Rossii v istorii russkogo gosudarstva* [The Russian North. The role of the northern territory of European Russia in the history of the Russian State], Vologodskoe tsentral'noe obshchestvo selskogo khozyaystva, Vologda, Russia, 66 p.
- Kotov, A.E. (2016), “*Tsarskij put*” *Mikhaila Katkova: Ideologiya biurokraticheskogo natsionalizma v politicheskoy publitsistike 1860–1890-kh godov* [The “Czarist route” of Mikhail Katkov: The ideology of bureaucratic nationalism in political journalism of the 1860-s – 1890s], Vladimir Dal, St. Petersburg, Russia, 487 p.
- Lor, E. (2017), *Rossiyskoe grazhdanstvo: ot imperii k Sovetskomu Soyuzu* [Russian citizenship: from Empire to Soviet Union], NLO, Moscow, Russia, 336 p.
- Lukin, Yu.F. (2010), *Velikiy peredel Arktiki* [Arctic great changes], SFU, Arkhangel'sk, Russia, 400 p.
- Makarychev, A.S. (2006), “The concepts of center–periphery in the political regional science: the possibility of the post-structuralism deconstruction”, *Pskovskiy regionologicheskij zhurnal*, №2, pp. 22–27.
- Moshkin, A.N. (2007), “The entrepreneurs and Russian customs administration in the 1850s – 1870s”, *Omskiy nauchnyi vestnik*, №4 (58), pp. 11–14.

- Perevalova, E.V. (2017), "The problems of the Russian North in Katkov's periodicals", *Zhurnalistskiy ezhegodnik*, № 6, pp. 43–49.
- Pilyasov, A.N. (2010), "The Arctic Mediterranean: the prerequisites for the formation of the new stern macro-region", *EKO*, № 12 (438), pp. 54–75.
- Pocock, J.G.A. (1987), *The Ancient Constitution and the Feudal Law: English Historical Thought in the Seventeenth Century*, Cambridge University Press, Cambridge, UK, 402 p.
- Pokok, D.G.A., (2018), "The State of the art (The introduction to the book "Virtue, Trade and History")", *Kembridzhskaya shkola: teoriya i praktika intellektualnoy istorii* [The Cambridge school: theory and practice of intellectual history], NLO, Moscow, Russia, pp. 142–188.
- Polani, K. (2018), *Velikaya transformatsiya: politicheskie i ekonomicheskie istoki nashego vremeni* [The great transformation: the political and economic origins of our time], Aleteiya, St. Petersburg, Russia, 312 p.
- Skinner, K. (2018), "Meaning and understanding in the history of ideas", *Kembridzhskaya shkola: teoriya i praktika intellektualnoy istorii* [The Cambridge school: theory and practice of intellectual history], NLO, Moscow, Russia, pp. 53–122.
- Timoshenko, A.I. & A.Kh. Elert (eds.) (2017), *Rossiya v Arktike: gosudarstvennaya politika i problemy osvoeniya* [Russia in the Arctic: the government policy and problems of development], Parallel', Novosibirsk, Russia, 493 p.
- Tsvaynert, I. (2008), *Istoriya ekonomicheskoy mysli v Rossii. 1805–1905* [The history of economic thought in Russia. 1805–1905], GU VShE, Moscow, Russia, 410 p.
- Tulupov, D.S. (2013), *Arkticheskaya politika Rossii, Norvegii i Danii v kontse XX – nachale XXI vv.* [Arctic policy of Russia Norway and Denmark in the late 20th – early 21st century], SPbGU, St. Petersburg, Russia, 163 p.
- Vereshchagin, V.P. (1849), *Ocherki Arkhangel'skoy gubernii* [Outlines of the Arkhangelsk Governorate], Tip. Yakova Treya, St. Petersburg, Russia, 408 p.
- Yamal v geopoliticheskoy i tsivilizovannoy dinamike* [Yamal in the geopolitical and civilizational dynamics] (2007), Bank kul'turnoy informatsii, Salekhard, Yekaterinburg, Russia, 208 p.